

К. Я. Коткин

**ОБРАЗЫ СОВЕТСКОЙ УТОПИИ:
МЕЖДУ ЗАБВЕНИЕМ ТРАДИЦИИ И ПАМЯТЬЮ О НЕЙ
(РИСУНКИ СААМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ
РУБЕЖА 1920–1930-х гг. ИЗ АРХИВА В. ЧАРНОЛУСКОГО)**

АННОТАЦИЯ. Анализируется часть коллекции рисунков саамских школьников из архива В. В. Чарнолуцкого. Они были созданы на рубеже 1920–1930-х гг. Советское отражено в нескольких выделенных темах коллекции: 1) рисунки транспорта; 2) «столбы с проводами»; 3) торговые помещения; 4) школьное образование; 5) гигиена; 6) агитация и идеология. Эти темы анализируются в теоретических рамках визуальной антропологии, антропологии детства, *memory studies*, а также понимания советского проекта с точки зрения модерности и утопии. В повседневном восприятии советской утопии саамами, переданном в рисунках, соединяются надежды на новое и память о прошлом. Представленные в рисунках образы, демонстрируют восприятие советской утопии на рубеже 1920–1930-х гг., выраженное в возможности сохранения части элементов уходящей традиции и готовности принятия нового.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: саамы, В. В. Чарнолуцкий, рисунки, визуальная антропология, антропология детства, память и забвение

УДК 94:39(511.12)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-105-116

КОТКИН КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ — к.филос.н., хранитель музейных предметов, Мурманский областной краеведческий музей; доцент кафедры философии и социальных наук, Мурманский арктический государственный университет; ассоциированный научный сотрудник, Центр арктических и сибирских исследований Социологического института ФНИСЦ РАН (Россия, Мурманск)

E-mail: kostyakotkin@rambler.ru

Этнограф В. В. Чарнолуский со второй половины 1920-х гг. изучал различные аспекты саамской культуры на Кольском полуострове, что было отражено в публикациях, посвященных быту, оленеводству, фольклору, мифологии (Чарнолуский 1930а; 1930b; 1931; 1965; 1966; 1972). Архив ученого из фондов Мурманского областного краеведческого музея — собрание, раскрывающее не столь известные направления и темы его исследовательской работы. Статья посвящена одной из сторон научного интереса В. В. Чарнолуского — рисункам, созданным саамскими школьниками. Рисунок в 1920–1930-е гг. привлекает внимание психологов, педагогов и искусствоведов (Флерица 1924; Международная выставка... 1934; Выготский, Лурия 1993). Творчество индигенного художника становится объектом интерпретаций этнографов и антропологов в эволюционистском, марксистском и персоналистском ключе (Базанов, Казанский 1939; Требуховский 1925; 1926; Хороших 1925; Мид 1988).

Анализ коллекции сочетает три подхода, которые воплощают содержательную специфику источника: визуальной антропологии, антропологии детства и *memory studies*. Часто рисунок как предмет исследовательского интереса визуальной антропологии включается в перечни предметов исследования визуальной антропологии «лишь для соблюдения приличия». Зачастую он противопоставлялся фотографии или визуальной съемке как недостаточно репрезентативный (Толмачева 2011: 12). Однако вопросы о степени достоверности фото- и видеосъемки также не уходят из дискуссионного поля антропологов (Александров 2014: 128). «Семейство образов» получает лиминальный статус во взаимодействии восприятия, отражения, осознания и выражения в текстах; акцент делается на скрытом и изменяющемся в поле идеологии (Митчелл 2017). Рисунок в таком случае получает индульгенцию, связанную с расширением пространства его аналитики как «свидетельства о свидетелях». Конечно, в рисунках интересен именно детский взгляд «дважды другого»: ребенок всегда рассматривается входящим в культуру, но когда сам он является представителем культуры «иной формации», которая оказывается в новых условиях, заставляющих ее изменяться, то позиция наблюдателя, находящегося между двумя этими сторонами, становится вдвойне интересной. Привлекает не только стандартная матрица «институтов и способов социализации» (Кон 2003), но и взгляд глазами детей (Осорина 1999). Коллекция интересна как отражение миметической природы образа в переходных социально-политических условиях при взаимодействии современной и традиционной культуры¹. Исследования памяти (Ассман 2014; Рикёр 2004) также позволяют объединить форматы и измерения памяти, социальные практики и институты, реализующие себя через память и забвение, с индивидуальным отражением в рисунках эпохи и культуры, сопровождающимся памятованием и забвением.

Рисунки были собраны В. Чарнолуским в 1927, 1930–1931 гг. Возраст их авторов установлен по пометам В. Чарнолуского и составляет от 8 до 15 лет, хотя указан он только в 17 рисунках. Часть рисунков сделана более старшими по возрасту учащимися. В. В. Чарнолуский, как позднее и Н. Н. Волков, использовали детские рисунки в своих работах для иллюстрации жизни саамов (Чарнолуский 1930b: 11, 57, 59, 69; Волков 1996: 23). В коллекции зафиксировано более сорока различных тем и сюжетов (Коткин 2017: 354). Первенствует по количеству изображение оленя, часты образы других животных, кувакса (чум), нарты, женская и мужская одежда, предметы быта и посуда, игры и занятия (олeneводство, рыболовство, охота). В целом коллекция юных художников дает довольно полное представление о хозяйстве и быте саамов, которые достаточно подробно

¹ Модерная специфика советского периода подчеркивается на Кольском полуострове складывающимися еще с начала нового времени тесными взаимными влияниями и изменениями культур саамов и поморов, а в последней четверти XIX в. и коми. Это видно и на рисунках коллекции.

описаны в этнографической литературе (Харузин 1890; Лукьянченко 1971; 2003; Волков 1996; Черняков 1998). Представлены образы советского периода. Эти рисунки не столь многочисленны, однако показательны. Познакомимся подробнее с ними, разделив их на несколько групп по изображенным темам.

РИСУНКИ ТРАНСПОРТА (ПОЕЗД И СУДА НА ПАРОВОЙ ТЯГЕ) (МОН ОФ 13898/124: 2; 126: 1об.)²

На первом рисунке (см. цветную вклейку, рис. 6) изображены два вагона: один, имеющий трубу (теплушка), открыт; к нему подставлена лестница (?), по которой спускается человек, внутри вагона стоят еще два человека, один располагается рядом с вагоном. На втором рисунке локомотив и вагоны с окнами, со множеством колес слиты в единое целое. В конце «состава» изображен силуэт стоящего человека. На первом рисунке поезд статичен, акцент сделан на действиях людей. Второй рисунок показывает движение, что подчеркивается выходящим из трубы дымом, который на обоих рисунках подчеркивает приход «культуры угля и пара». Именно в 1920–1930-е гг. железная дорога стала магистралью, по которой продолжилась колонизация территории и началось ее масштабное промышленное освоение.

Д. А. Золотарев в 1927 г. отмечает влияние железной дороги на саамов: «Близость железной дороги отражается на всем укладе жизни пулозерских лопарей. Они, как и остальные, занимаются оленеводством и рыболовством, но вывозка дров, перевозка грузов и пассажиров играет для них большую роль. При этом нельзя сказать, чтобы они жили безбедно. Разложение старого хозяйственного быта сказывается на пулозерских лопарях, производящих здесь довольно жалкое впечатление» (Золотарев 1927: 5–6). Ю. Константинов обращает внимание на открывающуюся возможность получения сравнительно более высокого дохода от совместного использования оленьей тяги и железной дороги при лесозаготовках (Konstantinov 2015: 229). Это приводило к уходу части саамов от традиционных занятий (Allemann 2008: 41). Двойственные характеристики — «разложение старого» и «новые возможности» — становятся теми полюсами, которые определяют содержание периода. Сохраняющееся совместное существование двух хозяйственных укладов акцентировано изображением нартов и оленей на первом рисунке. Человек также включен во взаимодействие с техникой (разгрузка или погрузка вагонов на первом рисунке; фигура человека, едущего в поезде, — на втором), однако не равнозначен ей, подчиняется заданному ей ритму (на втором рисунке поезд не управляется человеком, а везет его).

Поезд был одним из основных образов советской утопии, символом «светлого будущего», эмблемой нового общества и новой политики. Но в метафоре поезда как государственной машины воплощались противоречия современного советского государства, зависимость пассажиров-граждан от него и потенциальная опасность (Савицкий 2011). В теплушках приезжали на Кольский Север в начале 1920-х гг. геологи для оценки перспектив развития края (Ученые Кольского... 2006: 3), сюда же привозили в начале 1930-х гг. спецпереселенцев (Сулейманова 2014: 65). Саамские художники схватывают неоднозначность образа и исторического периода. Советскую утопию, к которой

² По сложившейся в Мурманском областном краеведческом музее учетной системе используется один номер, который присваивается предмету. Наличие дроби «/» обозначает отдельный предмет в коллекции, объединенной по персоне, теме, историческому периоду и т. п. В связи с этим стандартные архивные обозначения «фонд», «дело», «опись» не используются. При цитировании материалов фондов: цифры до дроби — собственно учетный номер всей коллекции, цифры за дробью — учетный номер предмета в коллекции, далее после двоеточия — номер листа. В ссылках учетные номера коллекции и/или предмета при дублировании опускаются.

отсылает образ поезда, предварительным образом можно определить как понятие, помогающее анализировать специфические черты советской культуры: смыслы, ценности и идеологемы, связанные с построением коммунизма; вещи и различные технические средства, ставшие символами советского периода; организация и функционирование специальных институций и учреждений, а также практики, связанные с ними. Утопическое, кроме самой констатации неудачи в попытке построения коммунизма, как представляется, проявляется в различной «плотности» характеристик, которые назывались советскими и коммунистическими, конъюнктурном акцентировании внимания на данных характеристиках, подчас их идеализации, различном сочетании и содержании.

Рисунки наземного парового транспорта дополняются изображениями морских судов на паровой тяге: ёл (МОМ ОФ 13898/126: 2об.; 13951/3), пароходов (МОМ ОФ 13898/162; 175) и ледокола «Красин» (МОМ ОФ 13898/176).

На первом рисунке (см. цветную вклейку, рис. 7) изображено морское судно, в котором совмещаются элементы, характерные для парусных и моторных судов: высокий вертикальный форштевень, характерный для ёлы, и труба от судов на паровой тяге. Ёла была одним из распространенных типов гребных судов, с 1920-х гг. вводились и моторные ёлы (Дуров 2011: 111). Сходный подход к фиксации окружающей культуры, замечающий соседство «паруса» и «мотора», присутствует в двух рисунках пароходов. На них дым трубы (признак работы паровой машины) так же, как в предыдущих рисунках, сочетается с изображением парусов. Пароходы — свидетельство прихода машинной цивилизации еще до строительства железной дороги. Перевозку грузов и пассажиров пароходы осуществляли с различной степенью успешности с 1870-х гг. (Попов, Давыдов 2002; Развитие рыбной промышленности... 1986: 30). Именно на пароходе В. В. Чарнолуский прибыл на Йокангский погост во время одной из экспедиций: «Пароход выгрузил на пристань грузы, прибывшие в кооператив погоста Йоканга. <...> Саамы, приехавшие встречать пароход и грузы, доставили и меня в поселок» (Чарнолуский 1972: 29). Совмещение парусного оснащения и моторной тяги подчеркивает специфику времени, в котором не просто соседствуют, а объединяются в технических средствах элементы традиционной и индустриальной культуры, что не ускользает от внимания юных саамских художников. Изображение советской утопии на Кольском Севере дополняется новыми красками: индустриальный проект СССР становится частью более широких по временным масштабам современных процессов.

Казалось бы, не связанный напрямую с коренным народом Кольского Севера ледокол также занимал место в сознании саамов. Обращает на него внимание и один из саамских художников, запечатлевший ледокол «Красин» (см. цветную вклейку, рис. 8). Несмотря на неточности в изображении (отсутствие одной трубы), рисунок свидетельствует о знакомстве с легендарным кораблем или событиями, связанными с ним. Поезд как один из образов советской мечты дополняется образом ледокола как одного из ярких символов освоения Арктики и присутствия человека новой формации на Севере. Советская утопия сочетает близкое, вероятно, виденное собственными глазами (ёлы), и далекое (ледокол), о чем узнают от других (рассказы, газеты, радио, школьные уроки). Но те и другие образы отражают одно время, соседствуют в представлениях, которые изображаются в рисунках. Рисунки показывают расширение пространства знакомого (но неизвестного достоверно, и потому изображаемого с «ошибками»), через которое происходит определенная степень приобщения к советскому проекту. Показательна в данном случае установка советской школы 1920–1930-х гг. на расширение опыта и знаний школьников — представителей коренных народов о других территориях через поездки на экскурсии в пионерские лагеря (Базанов, Казанский 1939: 195–204). Возможность знакомства «не всех» подчеркивает сочетание реально виденного и узнаваемого иными средствами.

«СТОЛБЫ С ПРОВОДАМИ»

«Сначала морем пошли пароходы; потом люди стали говорить по проволоке» — такими словами начинается одна из «бывальщин», записанных В. В. Чарнолуским (1972: 140). Присутствие средств связи на Кольском полуострове отражается в фольклоре и рисунках саамов. На уже упоминавшемся рисунке вагонов изображены «столбы с проводами», аналогичный образ имеется на обороте этого рисунка (МОН ОФ 13898/124: 2–2об.). Столбы находятся рядом с домами. На втором рисунке они помещены рядом с двухэтажным домом, имеющим пристройку, восемь окон на первом и втором этажах, а также чердак с окном. Вероятно, перед зрителем предстает какое-то административное здание или школа-интернат. Что конкретно стремился изобразить автор рисунка — линии телеграфа, телефона, радио — остается неясным. Телеграфная связь отнюдь не советская инновация: в 1901 г. была сооружена линия «промыслового телеграфа» по Мурманскому берегу, накануне Первой мировой войны контрольно-телеграфные отделения были в Имандре, Пулозере, Маловолоковой, Дроздовке и Йоканьге (Ушаков 2003: 263–264). В советский период распространение телеграфной, телефонной и радиосвязи оценивалось как часть «культурно-просветительской работы» государства в деревнях: именно в десятую годовщину Октября (1927) первую радиотрансляцию услышали в Ловозере, а с 1932 г. поселок соединили телеграфной и телефонной связью с Мурманском, а через него — с Хибинами и Ленинградом (Киселев 1974: 240; Ушаков, Дачинский 1988: 119). Исполнитель рисунка отражает процессы включения отдельных населенных пунктов, где проживали саамы, в создаваемое советским государством информационное пространство, которое на рубеже 1920–1930-х гг. становилось средством «идеологической обработки масс», учитывающим национальные особенности республик, областей, краев (Горяева 2000: 93–94).

ТОРГОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

К теме торговли саамские школьники обращаются на четырех рисунках (МОН ОФ 13898/124: 6; 125: 1; 126: 1об; 13951/8: 2об.). Общее для всех рисунков — это изображение помещений, на которых обозначена их функция (ларек, базар, киоск). Это низкие строения, часто нарисованные совмещенно с другими зданиями; рядом с помещениями или внутри находятся люди; на двух рисунках отмечена дорога. Рисунок ларьков Севзапсоюза и «старого базара» показывает значение кооперативов в обеспечении товарами сел (рис. 1). Севзапсоюз — это Мурманская контора Северо-Западного областного союза потребительских обществ и их союзов. В регионе она функционировала в 1921–1929 гг. (Государственный архив 2017: 249). В целом контора представляла собой сеть розничных систем, работающих на Северо-Западе страны. Хотя, как показывают материалы Ленинградской области, число пайщиков кооперативов на рубеже 1920–1930-х гг. росло, но оборот в селах происходил в два раза медленнее, чем в городах (XV лет диктатуры пролетариата... 1932: 92–96). «Домики» старого базара подчеркивают изменения, происходивших в сфере торговли. Рисунки демонстрируют еще одну примету времени — большое количество сокращений в названиях организаций. На рисунке Якова Юлина из Кильдина базар соседствует с расположенными по обе стороны дороги административно-хозяйственными помещениями («контора») и двухэтажными домами с большими окнами (МОН ОФ 13951/8: 2об.). Эти образы контрастируют с рисунками, фиксирующими традиционные типы жилищ саамов (вежи и куваксы — чума), которые изображаются одиночно и помещаются в природное окружение (МОН ОФ 13898/131, 144). Кооперативное движение привносило элементы городской культуры в жизнь села. Но это были не только иные социально-экономические отношения, они ассоциировались властью с «самоуправлением», «истинно

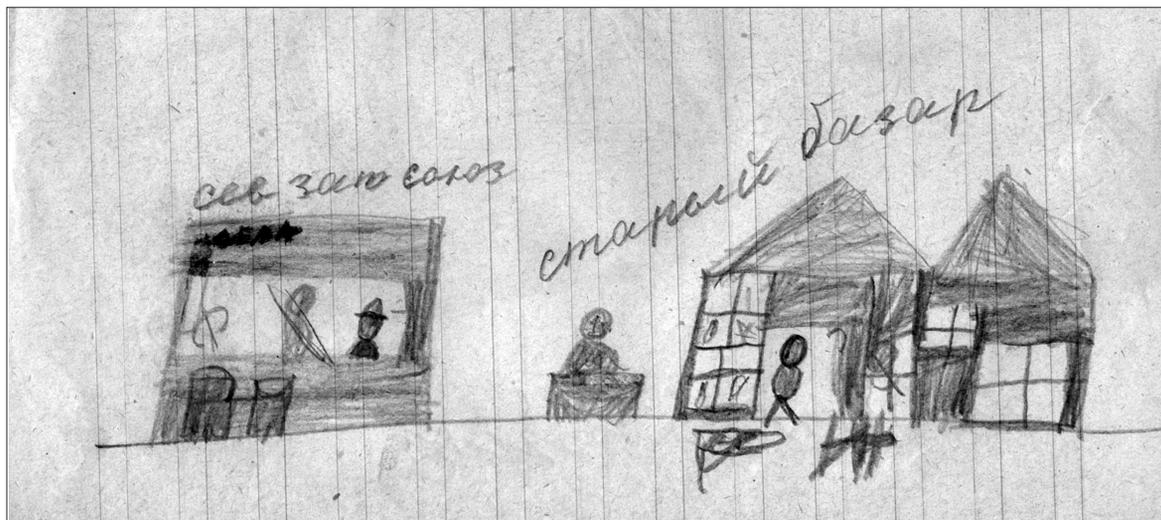


Рис. 1. Яков Юлин. Севзапсоюз [и] старый базар. Кольский полуостров, 1927 г.

Бумага, карандаш. MOM OF 13898/125. Л. 1

советским содержанием» и «подлинным коллективизмом» (Слѣзкин 2008). Одновременно рисунок схватывает противоречия советской утопии: кооперативы периода НЭПа сменяются на рубеже 1920–1930-х гг. другим коллективизмом, связанным с колхозами и совхозами.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Тема занимает в коллекции значительную часть: двенадцать рисунков, отражающих советские реалии, показывают и школьную действительность (MOM OF 13898/123: 1об.; 124: 1об.; 125: 3об.; 126: 3об.; 133; 134; 136; 138; 159; 162: 1об.; 163: 1об.; 175: 1об.). На рисунках представлен предметно-вещевой мир, окружающий школьника: ластик, алфавит на двери, школьные доски, шкафы, парты и классные комнаты. Некоторые рисунки знакомят с представлениями саамов, полученными в ходе обучения (рисунок земной сферы с линией экватора, фазы луны, портрет Роберта Фултона). Шахматы (рис. 2) — один из символов советской школьной жизни. Игра стала популярной с 1920–1930-х гг. и среди северных школьников (для сравнения: фотография «Нанайские школьники за шахматами» (Базанов, Казанский, 1939: 184)), благодаря демократизму и удобству объединялась с политикой и утопией, одновременно выражала для простого человека способ бегства от повседневности и погружения в себя (Куляпин, Скубач 2013: 193–207). Возможно, именно последняя характеристика подчеркивается изображением шахматной доски на столе, стоящем перед большими окнами в классной комнате без людей.

Школьное образование становится закрепившимся элементом действительности саамских детей с 1920-х гг. Одна из главных задач, которую советское государство решало в 1920–1930-е гг., — «ликвидация безграмотности». Вводилось всеобщее обязательное бесплатное обучение в объеме не менее четырех классов. К 1928 г. грамотность жителей ловозерской тундры составляла 34% (Киселев 1974: 240–242; Ушаков, Дашинский 1988: 120–121). Советские исследователи рассматривали образование народов Севера как возможность «полновесно» включить их в советскую жизнь; потенциал, связанный с образованием, оценивали положительно и сами учащиеся северных школ. Они подчеркивали любовь к школе, необходимость грамотности, возможность получения новых профессий (Базанов, Казанский 1939: 190–194). Однако картина не так безоблачна по своему



Рис. 2. Игнатий Харлин. Наш класс. Йоканьга, 1927 г.
Бумага, карандаш. MOM OF 13898/133

содержанию и последствиям. Современные исследователи уделяют внимание неоднозначности процессов, происходивших в сфере школьного образования народов Севера в советское время, и их негативным последствиям (Терехина 2017: 139). Часть саамов, прошедших через интернаты, учебный опыт ретроспективно воспринимают как положительный, часть говорит о нем как о негативном и ненужном (Казакова 2014: 529).

Связанные со школой образы можно рассматривать в ряду ярких символов новой культуры, что подтверждается оценками современников. «Куда раньше ходили мы играть оленьими рогами — теперь ходим на ту горку в школу и учимся грамоте», — так описывает изменения, происходившие в первой половине 1930-х гг. четырнадцатилетний школьник Леонтий Архипов в своем рассказе В. В. Чарнолускому (1972: 137). Судить о том, как воспринималась школа авторами рисунков, довольно сложно. Следует обратить внимание на то, что вещи и предметы, с которыми связано образование, присутствуют, но они «оторваны» от авторов. Лишь на одном рисунке изображен ребенок: он стоит у доски. На остальных жизнь школы представлена без детей. При этом на рисунках, изображающих разнообразные игры, в том числе окрашенные этнической спецификой (они равны по количеству школьным), дети стараются отразить свою включенность в процесс (MOM OF 13898/122: 1–1об.).

ГИГИЕНА

Одна из тем, связанных с идеологическим воспитанием и школьным бытом, — гигиенические процедуры (мытьё рук, умывание над тазом и под умывальником), сопровождающиеся побудительными высказываниями сродни лозунгам («мой руки», «мой (руки) после обеда»), а также предметы, связанные с гигиеной: «чотка» (щетка), «мыло», «рукамойник» (рукомойник, то есть

умывальный), «утиральник» (полотенце), «таз» (МОМ ОФ 13898/122: 2–3; 123: 2; 124: 1об.–2; 128: 1; 129: 2об.; 178). Грязь упоминалась в описаниях аборигенов, которых встречали первые российские этнографы. Это, если судить по замечанию Ю. Слэзкина, описывающего контакты русских путешественников и жителей Севера в XVIII в., была «встреча совершенства с грубостью» (Слэзкин 2008: 76–78). Н. Н. Харузин приводит сходные характеристики бытовых условий авторами XVII–XIX вв., связанные уже с кольскими саамами (Харузин 1890: 61, 64, 87, 100). Советское государство, выразителем политики которого на Севере стал Комитет содействия народностям северных окраин, стремилось избавить «беспомощных туземцев» от грязи, но «истинное и священное призвание Комитета состояло в том, чтобы помогать малым народам в нелегком деле восхождения по эволюционной лестнице. Культурный прогресс означал преодоление отсталости» (Слэзкин 2008: 180–181). Вопросы об улучшении медицинского обслуживания населения тундры, особенно детей, неоднократно ставил Комитет содействия малым народностям Севера при Мурманском облисполкоме (Киселев 1974: 241). Гигиенические процедуры являлись способом воспитания, контроля и свидетельством проводимой государством социальной политики. Рисунки демонстрируют закрепление в сознании детей образов тех вещей, которые были связаны с гигиеной в школах-интернатах и советской деревне в целом.

АГИТАЦИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Школа прямо называлась институтом, который обеспечивает идеологическую подготовку, в том числе на Севере, в национальных регионах: «В Советском Союзе просвещение на окраинах является проводником национальной по форме и социалистической по содержанию культуры» (Базанов 1936: 120). На рисунках представлены пионерский галстук, агитационные плакаты (рис. 3), красный уголок (точнее, портрет из него с одноименной подписью) и В. И. Ленин (рис. 4) (МОМ ОФ 13898/125: 4; 127: 2об.; 134; 173). Рисунки с идеологическим содержанием видятся логичным продолжением двух предыдущих тем и пересекаются с ними. На них изображены вещи, отражающие советскую эпоху. Для авторов изображений эти предметы были частью их повседневности.

На рисунках саамских школьников из архива В. В. Чарнолуцкого запечатлены происходящие вокруг изменения, через соседство различных образов подчеркнуто движение времени. В случае культуры кольских саамов 1920–1930-х гг. детство как процесс интенсивной инкультурации сопряжено с аккультурацией и ассимиляцией, связанными с индустриальным освоением и начавшимся еще ранее взаимодействием с культурами коми, ненцев и поморов. Школьник в данном случае воспринимает элементы изменяющейся, уходящей в прошлое традиции и новой культуры. Он находится на границе воспоминания и забвения, сохранения и утраты. Образы и сюжеты, зафиксированные на рисунках, отражают те элементы практики, которые стабилизируют культуру и влекут ее изменение.

Однако стабилизация и изменение, обычные элементы любой культуры, находились в специфических условиях «коренных переломов» и «больших скачков», что заставляет оценивать советский проект как утопичный не только вследствие желания «построить коммунизм» в будущем. Утопия проявилась и в «синхронии»: повороты «линии партии» и «борьба с уклонами» делали утопической надежду на спокойное существование людей. На рубеже 1920–1930-х гг. относительно мягкое взаимодействие двух культур, схваченное в рисунках коллекции, переходит от «опеки» к «преодолению отсталости», в определениях Ю. Слэзкина (2008). К. В. Чистов отмечал, что «утопическое мышление или утопическое творчество представляет собой стремление представить возможные очертания идеального (или по крайней мере значительно лучшего в сравнении с современным)

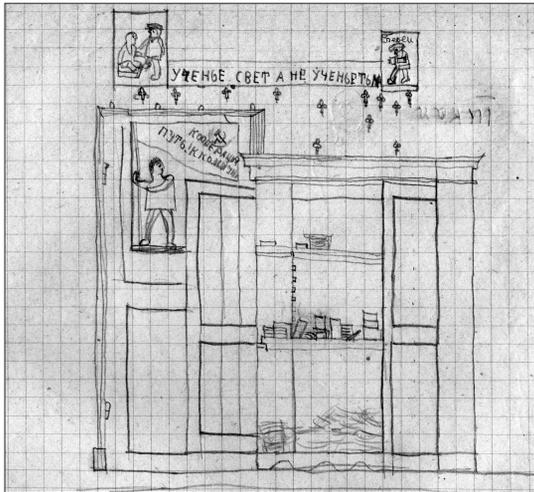
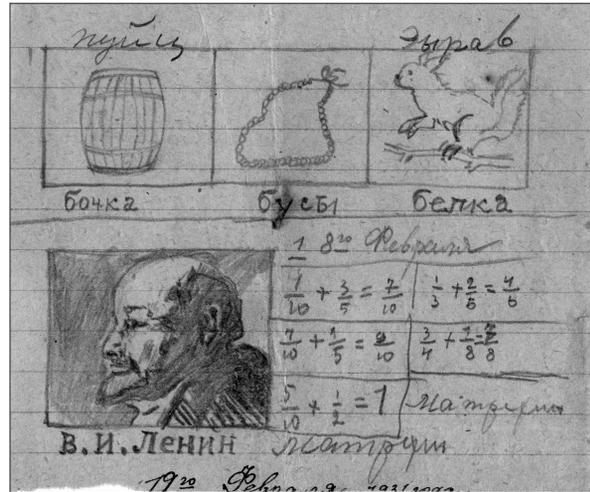


Рис. 3. Сергей Матрехин. Ученье свет а не ученье тьма. Йоканьга, 1927 г.

Бумага, карандаш. MOM ОФ 13898/134

Рис. 4. Матрехин [Сергей?]. Бочка, бусы, белка. Йоканьга, 1927 г.

Бумага, карандаш. MOM ОФ 13898/173



общества (Чистов 2003: 467). В обеих этих сферах в равной мере господствует не только логика, но и эмоции, порождающие воображение, причем воображение, вероятностное по своей природе». Такие характеристики утопического мышления относились к оценкам советских историков: период 1920–1930-х гг. определялся как «строительство и победа социализма» (Киселев 1974), а для саамов связывался с «социалистическими преобразованиями в тундре», «преобразованиями культуры и быта» (Киселев, Киселева 1987). «Преодоление отсталости» происходило за счет замалчивания противоречий и жесткой политики, во многом стирающей культурные различия.

Противоречия советской утопии относительно народов Севера проявились в полной мере в 1990–2000-е гг. Оценки исследователей сменились на определение советской модернизации как «консервативной», сочетающей в себе социальные, культурные, экономические изменения с авторитарным стилем их политического осуществления (Вишневский 2010). Такие оценки часто переходят в негативное восприятие всей советской действительности, особенно преобладающее у некоторых представителей саамов. Советское связывается исключительно с «жестким политическим режимом», «репрессиями», «запретами и негативным отношением к публичному использованию саамского языка и культурному самовыражению» (Allemann 2008: 69; Afanasieva 2013: III). Забвение советского прошлого и непонятные перспективы постсоветской России заставляют начиная с 1990-х гг. воспринимать в идеализированном и романтическом ключе досоветский опыт и модели отношения к саамской культуре в Северной Европе (Konstantinov 2015: 42–43). Утопия из будущего перешла в прошлое, также благодаря механизмам памяти и забвения. Но, судя по рисункам коллекции, для инкультурирующихся молодых саамов первой трети XX в. негативные оценки советской утопии, которые появятся в воспоминаниях о советском времени позднее, не были четко выраженными и предопределенными. В рисунках уникальное и необычное для культуры Севера соседствует с повседневным и обыденным для нее, что также характеризует советскую утопию рубежа 1920–1930-х гг. В восприятии советской действительности саамами, переданном в рисунках, соединяются надежды на новое и память о прошлом. Представленные в рисунках образы демонстрируют восприятие времени, выраженное в возможности сохранения части элементов уходящей традиции и готовности принятия нового, по крайней мере в период создания рисунков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- МОМ ОФ 13898/122–129. Тетради школьные по рисованию саамских детей.
- МОМ ОФ 13898/130–147. Серия детских рисунков. Погост Йоканга. 1927 г.
- МОМ ОФ 13898/149–180. Серия детских рисунков саамских школьников.
- МОМ ОФ 13951/1–8. Рисунки лопарских детей. 1927 г. Окружающая действительность.
- XV лет диктатуры пролетариата: экономико-статистический сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области. Л., 1932.
- Александров Е. В.* Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX в. // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 127–139.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
- Базанов А. Г.* Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936.
- Базанов А. Г., Казанский Н. Г.* Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.
- Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 2010.
- Волков Н. Н.* Российские саамы. Историко-этнографические очерки. СПб., 1996.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
- Горяева Т. М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — начале 1930-х годов. Документированная история. М., 2000.
- Государственный архив Мурманской области: путеводитель. Мурманск, 2017.
- Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
- Золотарев Д. А.* Лопарская экспедиция (11/I–11/V 1927-го года). Л., 1927.
- Казакова К. С.* Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой. СПб., 2014. С. 523–530.
- Киселев А. А.* Родное Заполярье: очерки по истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974.
- Киселев А. А., Киселева Т. А.* Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1987.
- Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 2003.
- Коткин К. Я.* Саамская повседневность в рисунках из архива В. В. Чарнолуцкого // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. М.; Ижевск, 2017. С. 354.
- Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.
- Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.
- Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971.
- Лукьянченко Т. В.* Саамы. Глава 6. Материальная культура // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 78–100.
- Международная выставка детского рисунка. М., 1934.
- Митчелл У. Дж. Т.* Иконология. Образ. Текст. Идеология. М., 2017.
- Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.

- Попов Г. П., Давыдов Р. А. Морское судоходство на Русском севере в XIX — нач. XX в.: в 2 кн. Екатеринбург; Архангельск, 2002. Кн. 1.
- Развитие рыбной промышленности Мурманской области 1920–1985: сборник документов и материалов: в 2 т. Мурманск, 1986. Т. 1: 1920–1945.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
- Савицкий С. А. «Железная дорога» как метафора в советской культуре 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17 (79). С. 38–46.
- Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Сулейманова О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды Кольского научного центра РАН: Гуманитарные исследования (вып. 5). 2014. № 2 (21). С. 59–67.
- Терехина А. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 137–153.
- Толмачева Е. Б. Фотография как этнографический источник (по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Требуховский П. Ф. Краеведение в детском рисунке. Иркутск, 1925.
- Требуховский П. Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 2 (6). С. 113–164.
- Ученые Кольского научного центра 1930–2005. Апатиты, 2006.
- Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время: историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2003.
- Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н. Ловозеро. Мурманск, 1988.
- Флерина Е. А. Детский рисунок. М., 1924.
- Харузин Н. Н. Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта) М., 1890.
- Хороших П. П. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири: опыт инструкции // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 401–416.
- Чарнолуский В. В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л., 1930а. С. 23–69.
- Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей: опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930б
- Чарнолуский В. В. Оленья изгородь М.; Л., 1931.
- Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.
- Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. 1966. Т. 11. С. 301–314.
- Чарнолуский В. В. В краю летучего камня: записки этнографа. М., 1972.
- Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi, 1998.
- Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб., 2003.
- Afanasyeva A. Forced Relocations of the Kola Sámi People: Background and Consequences. Thesis Submitted for the Degree Master of Philosophy in Indigenous Studies. Tromsø, 2013.
- Allemann L. The Sami of the Kola Peninsula. About the Life of an Ethnic Minority in the Soviet Union. Tromsø, 2008.
- Konstantinov Y. Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula. Uppsala, 2015.

**IMAGES OF A SOVIET UTOPIA: BETWEEN THE OBLIVION OF TRADITION
AND THE MEMORY OF IT (DRAWINGS OF SAMI SCHOOLCHILDREN AT
THE TURN OF THE 1920S AND 1930S FROM V. CHARNOLUSKIY'S ARCHIVE)**

ABSTRACT. Paper examines part of collection of the Kola Sami's pupils drawings from archive of the ethnographer V. V. Charnoluskiy. They was made at the turn of the 1920–1930s. Soviet reflected in six identified topics on the collection: 1) drawings of transport; 2) “poles with wires”; 3) retail spaces 4) school education; 5) hygiene; 6) agitation and ideology. They are analyzed from the theoretical frames of visual anthropology, anthropology of childhood, memory studies and understanding soviet project from point of view utopia and modernity. Hopes for a new and memory of the past connect in everyday Sami's perception of the Soviet Utopia, transmitted in the drawings. The images expressed the young Sami's expectations of the possibility to preserve parts of departing tradition and the readiness to adopt a new.

KEYWORDS: Sami, V. V. Charnoluskiy, drawings, visual anthropology, anthropology of childhood, memory and oblivion

KONSTANTIN YA. KOTKIN — Candidate of Philosophical Sciences, Murmansk Museum of Regional Studies; Murmansk Arctic State University; Centre of Arctic and Siberian Exploration of Sociological Institute FCTAS RAS (Russia, Murmansk)
E-mail: kostyakotkin@rambler.ru

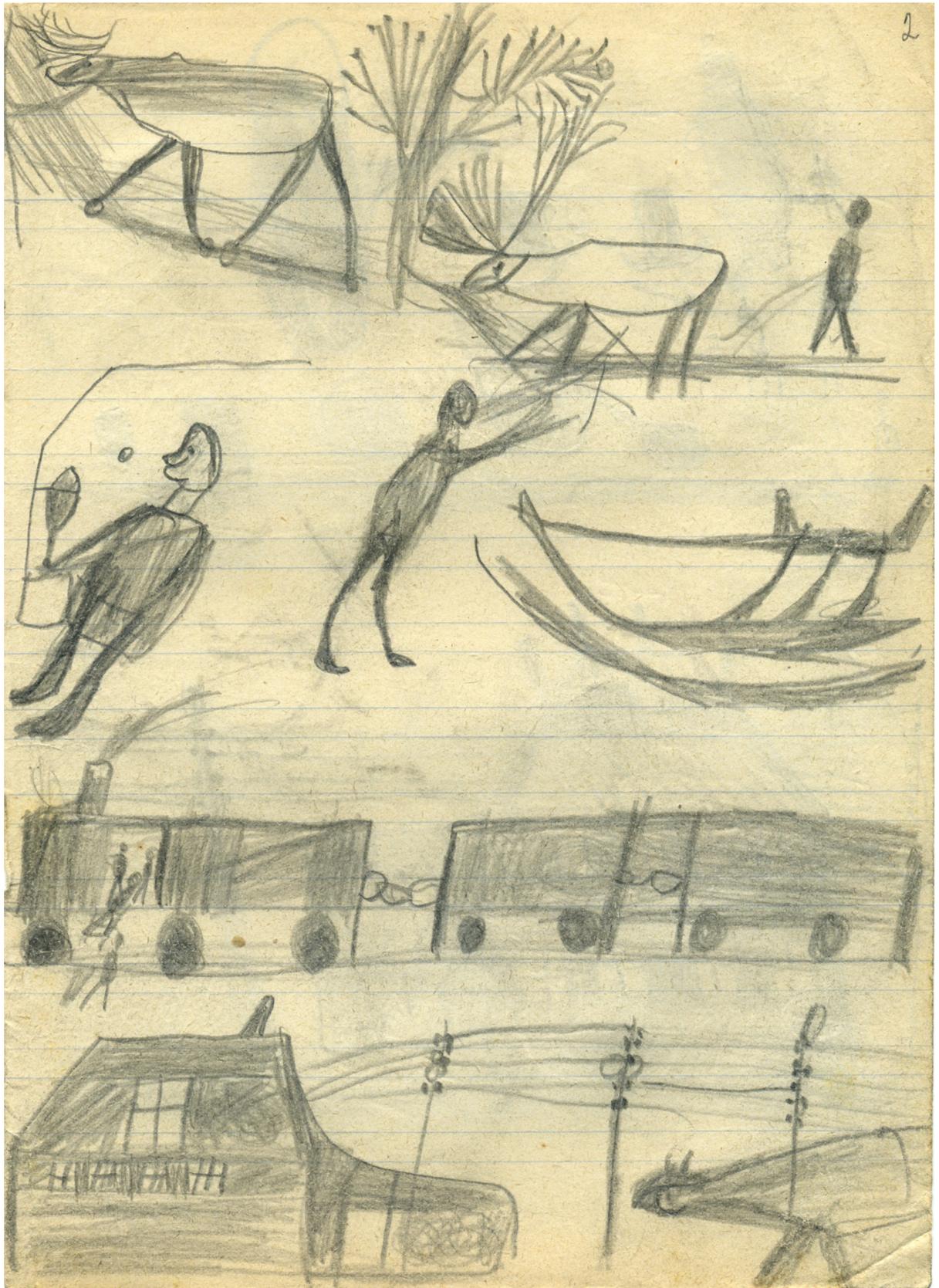


Рис. 6. Александр Антонов. Без названия
Кольский полуостров, 1927 г.
Бумага, карандаш
МОМ ОФ 13898/124. Л. 2



Рис. 7. Нина Яковлева. Без названия
Кольский полуостров, 1927 г.
Бумага, карандаш, акварель
МОМ ОФ 13898/126. Л. 2об)

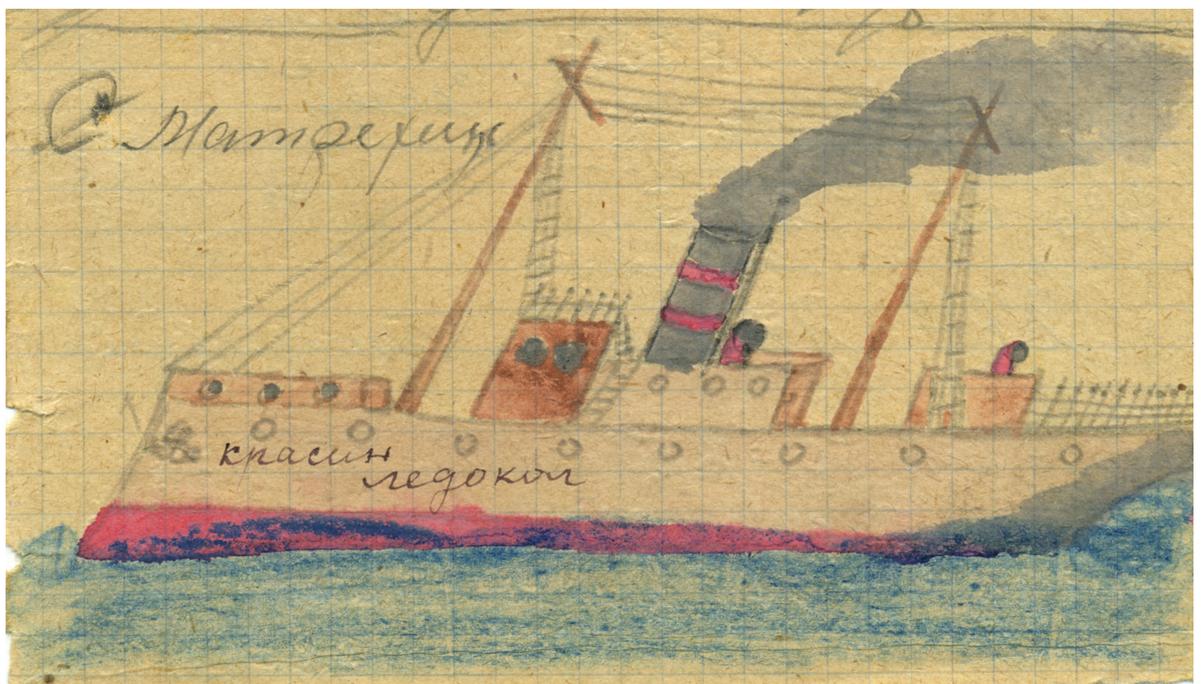


Рис. 8. С[ергей] Матрехин . Красин ледокол
Кольский полуостров, 1930-1931 г.
Бумага, карандаш, акварель
МОМ ОФ 13898/176